

Сейзел, потерявшись в замешательстве, борясь с нарастающей головной болью, медленно подняла руки.

Черная траурная одежда, прикрывавшая запястья, попала в поле ее затуманенного зрения.

На ее пальце красовалось кольцо с красным рубином.

Это не то кольцо, которое я использовала на похоронах своего отца?

После смерти ее отца она, официальная преемница, взяла все на себя...

“Хаа...”

От внезапного осознания по ее белым щекам покатились слезы.

Даже слезы, текущие по моим щекам, горячие, так что я предполагаю, что это, вероятно, по-настоящему.

... Нет, это должно быть по-настоящему!

“Это...”

Все ясно.

Мне было девятнадцать лет, в ту самую ночь после похорон моего отца.

Я не знаю, вернулся ли я в прошлое или увидел будущее, но я уверен, что мне дали второй шанс в жизни.

Даже жест моего дяди, протягивающего мне носовой платок, такой же, как в прошлый раз.

“А теперь принимай это быстро”.

“Хм? Да”.

Глядя в дружелюбные глаза своего дяди, что-то горячее и мстительное поднялось из глубины ее души.

В прошлый раз его доброта и забота вызвали слезы радости на ее глазах, но сейчас ее глаза

горели по-другому.

“Ах, Сейзел, почему ты вдруг заплакал?”

Потому что я так счастлива снова видеть тебя, дядя.

Я так счастлив снова видеть тебя в таком состоянии, что у меня скрежещут зубы.

“Тьфу”.

Сейзел была невероятно благодарна за предоставленный ей второй шанс.

Украшения моей покойной матери и памятные вещи моего отца... Вещи, которые были унесены, были ли они выброшены голыми руками или разобраны поодиночке, все еще целы в этом доме.

“... Это чепуха”.

Нет, это не так. Перерождение? Неважно, в этом нет никакого смысла, верно?

Даже если бы я жил честной жизнью, как говорил мне мой отец, мне все равно досталась дерьмовая раздача.

Так какой смысл в том, что ты не можешь восстать из мертвых?

Это чувство, как будто ее сердце закипало, а затем таяло, было доказательством того, что она жива.

“Hehehehe.”

“Сейзел, я полностью понимаю, что ты чувствуешь”.

Ее сердце было настолько переполнено жестоким отвращением к доброму утешению ее дяди, что она прикрыла рот рукой.

Иронично, что человек, за которого она держалась и плакала в этот момент, был тем, кто ввергнул ее жизнь в пропасть, но на самом деле это заставило ее чувствовать себя более реальной.

Сейзел не могла описать, насколько ошеломленной она себя чувствовала, возвращаясь к тому

дню, о котором так сожалела в своей прошлой жизни.

“Ну, правда. Как это произошло?”

Аааа! Не могу поверить, что после всего, у меня наконец-то есть мелочь, которую можно вернуть!

Смех, похожий на плач, сорвался с губ Сейзела.

Я всегда задавался вопросом, как я мог бы избежать благословений, которые получали все остальные, но я никогда не думал, что мне представится такая возможность.

Юная леди не знала, как принять свою удивительную, но невероятную реальность, но даже когда она всхлипывала и сдерживала слезы, рука ее дяди не отпускала.

Она посмотрела на него.

Каждый божий день, который Сейзел проводила в тюрьме, она задавалась вопросом, что бы она сделала, если бы ей дали второй шанс. Как бы она отрезала эту пиявку, которая присосалась к ее семье.

Я задавался вопросом, каким был бы самый болезненный метод... Что позволило бы тебе почувствовать ту же боль?

Дни, которые я пережил, погруженный в мечты о мести, были не просто одним или двумя днями.

“Я не могу в это поверить Как это могло случиться со мной ...?”

“А?”

“Да? Ах, я никогда не думал, что твой отец уйдет так напрасно”.

“...”

Понятно.

Теперь, когда я думаю об этом, мой отец тоже снова скончался.

Как только Сейзел подумала о своем отце, слезы прекратились.

Хотя именно ее дядя напрямую разрушил ее жизнь, ее отец не может быть свободен от этой ответственности.

Ее отец был неплохим человеком, но в своей прошлой жизни Сейзел резко отошла от того факта, что учение ее отца несло в себе налет ошибки.

Благие намерения без основания будут растоптаны.

“Сейзел, почему бы тебе не успокоиться, не пойти в дом и не отдохнуть”.

“... Да?”

“Я позабочусь о тебе, что бы кто ни говорил, разве мы не одна семья?”

Ее дядя ласково улыбнулся и похлопал ее по хрупкому плечу.

Почему это претенциозное выражение не было заметно в то время? Как я мог его пропустить?

Морщинки вокруг его глаз выглядели неловко, его эмоции были неуместны, как будто они сошли с иллюстрации к дешевой детской книжке.

Заметив взгляд Сейзела, устремленный вниз, на его выпуклые запястья, барон Ферсен поспешно опустил рукава, словно смутившись.

“Мне нужно, чтобы ты хорошо отдохнула несколько дней и пришла в себя, дитя. Тогда не пойдешь ли ты по стопам своего отца и не унаследуешь поместье?”

“... Ха-ха”.

Чем это не отличается от попытки пустить мне пыль в глаза, дядя?

[Название: Мошенничество.]

Когда Сейзел внезапно расхохоталась, ее дядя медленно нахмурился.

Вы, должно быть, задаетесь вопросом, не сумасшедший ли я.

Однако, словно пытаясь скрыть свои мысли от того, чтобы их никто не смог ясно прочитать, ее дядя быстро переглянулся со своей семьей.

“Ах, похоже, ты в сильном шоке. Я понимаю”.

“Дорогая, я должен сказать тебе, чтобы ты шла домой и немного отдохнула. Что, если что-то пойдет не так с твоим здоровьем, Сейзел?”

Тетя Сейзела, которая была поблизости, решила, что пришло время вмешаться и помочь ее мужу.

Даже кузины всей группой пришли в возбуждение, и, казалось, им не терпелось немедленно втолкнуть ее в комнату.

“Не хотите ли встать? Быстро наклонитесь сюда ...”

“Нет. Вообще-то, вы двое можете проснуться первыми”.

“... Что?”

... Что?

Что я только что услышал? Сейзел хочет, чтобы мы ...?

Ее дядя и его жена в замешательстве переглянулись.

Однако, когда пара посмотрела друг другу в глаза, они подтвердили, что это правда.

“Сейзел, я не знаю, почему ты ведешь себя странно”.

“Я хочу отдохнуть”.

Сейзел вытерла слезы черным кружевным носовым платком.

Сколько времени прошло с тех пор, как я в последний раз прикасался к такой мягкой ткани?

Наблюдая за спектаклем, разыгрываемым перед ней, Сейзел решила, что настала ее очередь присоединиться к хаосу.

Медленно, ее глаза расширились, когда невинность вытекла, для всех, кто смотрел на нее, она была всего лишь безобидной, жалкой девушкой.

“Теперь, когда я похоронил своего отца, мне также нужно по-своему подготовить свой разум к будущему”.

“Э-э, да. Вполне может быть и так”.

“...”

“Но мы твоя семья, и чем сложнее все становится—”

“Да. Я знаю”.

Каково это? Ты на взводе?

Сейзел улыбнулся, впервые, казалось, все стало ясно.

Она успокоила их с добродушным, но слабым выражением лица безнадежной дочери-сироты, ничем не отличающимся от того, что она всегда показывала.

“Я хочу провести хотя бы одну ночь в одиночестве и оглянуться на воспоминания со своим отцом. Хаа... Это любимое место моего отца, тьфу.”

“Ах, да”.

Когда Сейзел в знак огорчения уткнулась лицом в носовой платок, все их сомнения и настороженность, неспособность найти какие-либо недостатки, исчезли.

Вы можете подумать, что ситуация становится раздражающей, и хотите поспорить со мной, но, в конце концов, я следующий владелец этого особняка.

... Ну,... Конечно, пока нет. Но пока тебе все равно придется отступить.

“Ну, тогда давай закругляться, Сейзел. Звони мне в любое время, когда тебе понадобится”.

“Да. О! Кстати, дядя”.

“...?”

Сейзел осторожно убрала платок с лица и посмотрела на семью своего дяди, которая неловко обернулась, большими, полными слез глазами.

“Тебе следует оставить часы моего отца”.

Вы, воровские ублюдки.

Верни вещи моего отца!

... Я действительно вернулся.

Даже после того, как Сейзел вошла в свою комнату, ей потребовалось много времени, чтобы принять реальность.

Несмотря на необычность, Сейзел щипала себя за щеки и ощупывала лицо перед зеркалом, пытаясь напомнить себе, что она снова жива.

Изумрудного цвета глаза и светло-каштановые волосы действительно принадлежат ей.

Она вернулась.

“Ах”.

Единственной незнакомой вещью было отражение в зеркале, лучезарно улыбающееся, словно в недоумении.

Я никогда в жизни так не смеялся!

После того, как меня выгнали из дома, это была адская жизнь, где все, что я мог делать, это сдерживать слезы и пытаться свести концы с концами, пока меня не посадили в тюрьму за убийство.

Я имею в виду, что больше всего я говорил и смеялся в тюрьме, и этим все должно было быть сказано.

Улыбка Сейзел стала шире, когда она вспомнила те дни.

Даже мысль о том, как сильно мы заботились друг о друге и утешали друг друга в той узкой камере, заставляет мое сердце болеть.

... В любом случае, что с ними случилось? Их тоже обезглавили?

Несмотря на то, что они убийцы, я никогда не думал, что однажды им придется умереть.

Сейзел схватилась за голову, когда внезапное чувство саморазрушения охватило ее.

В глазах окружающих все они могут казаться одними и теми же преступниками, но они были как настоящие сестры, которые были вместе 10 лет и знали друг о друге все.

Его нельзя сравнить с благородными людьми, которых я встречал во внешнем мире.

Через этих грубых людей, но они были честнее всех остальных, и у них были несправедливые истории, которые пересмотрели ее ценности о том, что действительно необходимо для выживания в грубом мире.

Немного насилия, ударов в спину, невинной лжи и... Что ж, это был не такой уж плохой компромисс.

“К черту все”.

Аааа... Я клянусь, правда, мне нужно поработать над этим.

Конечно, то, чему она научилась у них, было незаменимо. Ругань была одним из ее самых известных открытий.

Только после того, как Сейзел попала в тюрьму, она смогла должным образом научиться управлять своим гневом, который она так долго подавляла и, казалось, гноился внутри нее.

Это было неожиданное состояние, но после того, как она однажды выругалась, ее желудок почувствовал себя более комфортно, чем после приема любого другого средства для улучшения пищеварения или волшебного лекарства.

Это принесло ей облегчение.

“Фух”.

Я никогда не думал, что это будет мой последний раз с этими детьми.

Она вздохнула с сожалением, когда в уголках ее красивых глаз появились морщинки.

Ей было любопытно, но, оглядываясь назад, она поняла, что все не сходится. Тот факт, что они были связаны вместе и им отрубили головы, не соответствовал запланированным процедурам или законам.

Примерно во время завтрака в день ее смерти начальник тюрьмы внезапно сказал, что ему нужна другая комната для занятий, поэтому они, будучи заключенными без права голоса, были вынуждены уступить свою камеру, чтобы освободить место. .

Естественно, через их казни.

“Тьфу”.

Сейзел была очень больна от того, что у нее отобрали важных для нее людей.

Дома и в тюрьме у меня отняли жизнь, когда у меня не было ничего, что могло бы помешать мне утонуть в своих печалях. Я отказываюсь больше жить такой жизнью.

Я не знаю, кто дал мне еще один шанс, но я уверен, что даже небесный бог не хотел, чтобы я шел по своим старым стопам!

Если бы это было так, я бы ни за что не вернулся в то время, когда моя судьба еще не изменилась.

“... Просто подожди и увидишь. Тот, кто останется в конце, еще не определен?”

Сейзел открыла окно и подняла голову к ночному небу.

Я давным-давно решил, как буду жить, как хочу, если когда-нибудь родлюсь заново.

... Будь честным и скромным. Это больше не вариант, отец.

Она хотела придерживаться учения своего отца, но больше не могла так жить.

Воспоминания о том, каково это - так жить, все еще живы в глубине моего сознания.

Наручники, которые надевали на ее руки, когда она предлагала помощь другим, удары ножом в спину тех, кому она доверяла, а также тех, кто посыпал пеплом ее изумрудные глаза, когда она пыталась тепло смотреть на мир... Эти раны были нанесены по всему ее телу.

Она будет нести эту скрытую боль всю свою жизнь.

“Я буду защищать то, что принадлежит мне”.

Ба-бах.

Запомните мои слова. Моя земля, моя собственность, мои люди, все, что мне дано... Это никогда не будет украдено у меня снова.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/45335/4395935>